

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4
Б95

Составление и комментарии — *Елена Санаева*
Подготовка текста — *Елена Шубина*

Художник *Андрей Рыбаков*

В книге использованы фотографии из семейного архива Е.В. Санаевой

Издательство выражает благодарность за предоставленные фотоматериалы И. Гневашеву, В. Плотникову, М. Гончарову, Г. Кмит, А. Загеру, Фам Тхе Хуат

Быков, Ролан Антонович.

Б95 Я побит — начну сначала! : Дневники / Ролан Быков; коммент. Е.В. Санаевой. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2019. — 761, [7] с., ил. — (Стоп-кадр).

ISBN 978-5-17-118124-6

Ролан Быков (1929–1998) вел дневники с пятнадцати лет и до самого конца жизни. Надо ли говорить, что перед читателем разворачивается история страны, театра и кино, но прежде всего — история уникальной личности, гениального режиссера («Айболит-66», «Чучело», «Телеграмма») и актера («Шинель», «Андрей Рублев», «Проверка на дорогах», «Комиссар», «Служили два товарища», «Письма мертвого человека», «Из жизни отдыхающих», «Мертвый сезон»...). Эта книга поражает своей откровенностью. «Неистовый Ролан», как звали его близкие, вел записи для себя, не думая ни о цензуре, ни о дальнейшей публикации.

Перед читателем встает натура страстная, бескомпромиссная — идет ли речь об искусстве или личных отношениях. «Я побит — начну сначала!» — эти слова стали девизом для Ролана Быкова на всю жизнь...

Книга иллюстрирована редкими фотографиями из семейного архива.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-118124-6

© Быков Р.А., наследник
© ООО «Издательство АСТ»

Содержание

«Друг последний мой – тетрадь...»	
<i>Предисловие Е. Санаевой</i>	6
От редакции	8
Маленькая коричневая тетрадь 1958–1960	9
Узкая бордовая тетрадь 1975	37
Маленькая толстая тетрадь 1979	63
Маленькая красная тетрадь 1979	75
Темно-зеленая тетрадь 1980	85
Маленькая квадратная серая тетрадь 1981–1982	167
Толстая квадратная тетрадь (цветная обложка) Конец 1981 – 1-я половина 1982	203
Маленькая квадратная коричневая тетрадь 1983	251
Ярко-зеленая тетрадь 1984	309
Красная тетрадь 1984–1985	395
Черная тетрадь 1986–1988	487
Коричневая тетрадь 1987	613
Черная с картинкой тетрадь 1989–1990; 1994–1995	641
Тонкая коричневая тетрадь Конец 1994 – начало 1995	663
Приложение 1 Юношеские дневники 1945–1951	669
Приложение 2 Путешествие по дневникам	737

«Друг последний мой – тетрадь...»

С душевным трепетом я отдаю в руки читателей то, что было сокровенным для Ролана Антоновича Быкова в течение долгих лет. Он начал свои записи мальчишкой во время войны, в эвакуации, и вел с перерывами свой дневник более пятидесяти лет.

Школьные тетради, записные книжки, большие тетради, три разноцветных гроссбуха с надписью золотом «Ролан Быков» (подарок отца), листочки, компьютерные страницы последних лет... Как-то Р.А. поделился со мной, что мечтает снять фильм в жанре мениппеи, то есть, подобно древним грекам, соединить разные жанры в одном произведении. Его дневник – и есть своего рода мениппея. В нем сошлось все – работа над ролью, наброски сценариев, будничная работа над картиной, яростные споры с чиновниками от искусства, и вдруг, казалось бы, без всякой связи, готовая статья, почти без помарок, размышления о культуре, о роли детства в жизни человека, а рядом – житейские заботы, как правило, связанные с его желанием помочь, поддержать, отстоять... И стихи. Он писал их с детства. Не претендуя на роль поэта, он носил его в себе. «Просто многие люди поэты, и живут в стихах независимо от того, пишут они или нет – я один из них... Там, где звучит Цветаева, Мандельштам, Пастернак, Самойлов, Бродский, я – влюбленный поклонник...». Стихи помогали ему в трудную минуту подняться над суетой, сохранить в себе – себя.

Не вся его жизнь в этих тетрадях. Были годы, когда он не вел дневник; что-то потерялось при многочисленных переездах. Так, одна из трагических потерь – пропажа тетрадей времен работы над ролью Пушкина во МХАТе в пьесе Л. Зорина «Медная бабушка». Он был в это время бездомный и жил то у своей двоюродной сестры, то у художника Олега Целкова, то ночевал в общежитии МХАТ. И все-таки, несмотря на хронологическую неполноту, дневники позволяют увидеть чело-

«Друг последний мой – тетрадь...»

века и художника. Страстного, живущего глубокой внутренней жизнью, деятельного, р а б о т н и к а.

Одиночество – нормальное состояние художника. Особенно когда твоя рабочая жизнь происходит на людях, а часто и в толпе. Когда случаются у человека печали и неприятности, находятся сочувствующие, когда же радость и удача – мало сорадующихся. На одной из страниц он записал: «Друг последний мой – тетрадь». Так оно и было.

В последние годы жизни ему больше всего хотелось писать. Он мечтал засесть за стол, привести в порядок свои бумаги, записи. Даже начал набрасывать книгу, назвав ее «Путешествие по дневникам». Несколькими страницами вы найдете в этом томе.

Как-то он сказал: «Ты должна будешь закончить все, что я не успел». – «Я?!» – «Ничего, ты девочка умная, я тебя всему научил». Я начала выполнять его задание. Поздновато, но не было сил начать раньше. Ведь заново проживаешь ушедшую жизнь. Это часто больно.

«Тетрадки мои», – любовно говорил Ролан Быков. Они перед нами. Хочется верить, что они найдут душевный отклик.

Елена Санаева

От редакции

Рукописный дневник Ролана Быкова... Стопки тетрадей. Маленькая коричневая, Узкая бордовая, Черная с картинкой, Темно-зеленая... Более тысячи страниц, пятьдесят лет жизни. Годы и даже даты в тетрадях порой совпадают, автор дневников, видимо, иногда писал параллельно сразу в двух. Мы решили идти вслед за ним и не разбивать дневники строго по датам, оставив только хронологию. Хотя и здесь пришлось ей поступиться.

Уже книга была подготовлена к изданию, как неожиданно обнаружилось разрозненные отрывки из юношеских дневников Быкова. Порой смешные, наивные, но всегда поражающие жестким самоанализом и беспощадным судом над собой. А ведь Быкову было тогда пятнадцать-шестнадцать лет! Но уже определился характер неординарный, рано осознавший себя как личность, рано определивший цель жизни и шедший к этой цели, подчас почти ломая себя.

Еще были сомнения: включать – не включать эти записи, ведь и книга уже сложилась, и образ героя, – но девиз «Я побит – начну сначала!» решил все: обязательно включать. И пусть это будут одни из последних страниц, раз они «выплыли» в последний момент. Есть тут своя символика: в этих страничках и начало (пути, личности), и конец (книги).

Дневники сопровождают комментарии вдовы Ролана Быкова Елены Всеволодовны Санаевой. Иногда они предваряют каждую тетрадь, иногда вводятся непосредственно в авторский текст, но всегда выделены другим шрифтом.

Елена Шубина

Маленькая коричневая тетрадь
1958–1960

Должен ли человек любить умиленье?

Каждому ли из нас за наукой? Кто в отом мире может уединиться? Однако путь не все так просто, как можно подумать с первого взгляда...

Тошнота только что я посетил в пограничные учебные заведения, о которых говорилось, как о дне всех обновлений. Кричали нас, первокурсников, тепло, тепло, тепло, даромка каждому из нас по традиции, уезжали на дачу на лето. Каждый из нас совершил свой личный шаг к счастью и все казалось нам необычайно интересным и важным. Каждый из нас испытывал радость. Каждый из нас был для нас просто любимым... Каждый из нас...

И вот однажды утром мы с ребятами в субботу между сестрами и сестрами слово партия вымолвлено и врезывалась в память навеки. И слова эти были все же особенные, полные тайны и удивительного смысла: "дань", "опашка", "даль", "куча" - это не слово - "восхищение, радость тайны".

И вот однажды мы с ребятами в субботу более между сестрами и сестрами. Вы Высский, Стройный, с темными волосами и светлыми глазами, ресницами и голубыми глазами, подбородок чуть раздвоен - в общении, что назывались - "данный", о чем говорил ^{буржуазный} с большим уважением. Чем более слышали мы и то, что у него была великая ценность: "общие", "популярные" и еще много много всего. В общении своим и странным на него раскрывали свои, слушали его как оракул - думай!

А говорили мы о том, что наука необычайно для нас интересная. Вы высказывали свои мысли о том, что надо бороться против порока наших первых самостоятельных работ. Одного из нас хвалили, другого поругали - одними словами поругивали и нас - слушали задумчиво и внимательно... Очень мне хотелось спросить у него про себя, однако духа не хватало, неудобно как-то, да и буржуазный, что много. И вдруг он словно угадал мои мысли и плавно обернулся ко мне:
- А ты... ты... ~~я~~ ^{Наставник} - он действительно смотрел на нас с удивлением и любовью, - ты же много думаешь... есть опашка, юмор... Каждый из нас... ^{не надо бояться кричать так же!}
Ну как так-то слова не отражаются? Да ведь это словечко: "каждый" - каждый из нас буржуазно-эгоистично ^{особенного} ^{популярного} смысла...
- Только вы же умиленье нас, вы же - добавили мы

Маленькая коричневая тетрадь с закрашенными клеточками съемочных дней и объектов. Это дни, когда снимались сцены любимейшей роли Быкова – Акакия Акакиевича Башмачкина по повести Н.В. Гоголя «Шинель».

С девяти лет Ролан Быков занимался в театральной студии при городском Доме пионеров. Это был настоящий дворец с замечательной сценой. Он играл, а в 9–10 классе пробовал себя и в режиссуре*. Так в дальнейшем и сложилась его судьба. Он стал актером и режиссером.

Со студийцами Дома пионеров Ролан Быков сохранил дружеские связи на всю жизнь. Спустя много лет мне рассказали, что однажды на дне рождения одного из «гордомовцев», а было им по четырнадцать, Ролан, уходя, взял под мышку книжку и сказал: «Когда-нибудь я это сыграю». Это была «Шинель».

И вот в 1958 году, в двадцать девять лет, он получил заветную роль в произведении любимейшего автора.

Это был режиссерский дебют в кино Алексея Баталова, уже прославившегося ролями в фильмах «Большая жизнь» и «Дело Румянцева». Мэтр отечественного кино Иосиф Ефимович Хейфиц, руководивший на киностудии «Ленфильм» творческим объединением, зная Баталова как умного и интеллигентного актера, поддержал его стремление к режиссуре, правда, сначала этот дебют был запланирован как «двухчастевка», то есть двадцать минут экранного времени. Но киногруппа работала так творчески и самозабвенно, что студия приняла решение выпустить фильм полнометражным. Добавили сроки и деньги.

* См. с. 686 наст. изд. — *Ред.*

На картине «Шинель» работала семейная пара – художники Белла Маневич и Исаак Каплан, по их эскизам строились декорации и шились костюмы. Снимал фильм Генрих Мараджян. Эти люди стали гордостью и славой «Ленфильма». И по сей день можно убедиться в безупречном художественном решении фильма. Директором картины был Александр Оршанский, тогда просто Саша, впоследствии ставший опытным организатором кинопроизводства. В фильме снимался знаменитый Юрий Владимирович Толубеев. Народный артист СССР, любимец всего Ленинграда покорило молодого актера своей добротой, простотой общения, юмором. Через много лет Быков рассказывал такую историю, произошедшую с Толубеевым на остановке такси. Он стоял один, подошли двое, затеяли разговор, почти подобоострастно расспрашивали о ролях, а когда подъехала машина, нагло сели в нее и на недоумение актера бросили фразу: «Да пошел ты, клоун!».

В маленькой роли снялась в «Шинели» блестящая вахтанговская актриса, одна из любимых педагогов Быкова, Елена Понсова. Каждый персонаж в фильме любовно отобран: «прелестницу» сыграла молодая Нина Ургант, «значительное лицо» – старейший актер с редкой фамилией Тейх.

До роли в фильме «Шинель» у Быкова за плечами уже были киноработы: эпизод в «Школе мужества» В. Басова, небольшая роль в «Педагогической поэме» на Киностудии им. А. Довженко, где он запомнился своим шикарным танцем, главная роль на той же студии в «Путях и судьбах» и «Нашем корреспонденте» у режиссера Анатолия Граника на «Ленфильме».

Студия «Мосфильм» всегда была кинофабрикой, «Ленфильм» же во все годы отличался какой-то домашностью, при всем высоком профессионализме производственных цехов. Второй этаж студии был замечателен тем, что по его коридору можно было пройти по кругу мимо диспетчерской, творческих групп, и упереться в столовую, и тут же узнать все студийные новости.

После кинопробы в картину «Наш корреспондент» Ролан Быков спустился на первый этаж получить деньги за проезд и кинопробу. К этому моменту студию уже облетел слух, что к Гранику вместо Алексея Быкова, которого ждали, приехал Ролан Быков (ошибка ассистентов), которого никто не ждал. Он приехал на студию сам, заставил найти нужный ему костюм и грим, выпросил маникюрный набор и, придя в киногруппу, представился телефонным мастером. Подручными

средствами раскурочил до винтика телефонный аппарат и пошел на выход, пообещав доделать работу после перерыва. На вопли режиссера, что им не смогут дозвониться люди со всего Союза, ответил, что ему наплевать, у него обед. Тут только режиссер почувствовал подвох, расхохотался и сказал: «Все, утверждаю без проб!» К моменту получения денег Быкова у кассы поджидали ассистенты режиссеров, и он получил сразу девять предложений. Одно из них – роль Акакия Башмачкина в «Шинели» Н.В. Гоголя.

Переговоры, как водится, велись со многими актерами. На пленку же Алексей Баталов пробовал П. Крымова, известного более театральному Ленинграду, блиставшего в «Современнике» Е. Евстигнеева и Р. Быкова, прогремевшего в обеих столицах постановкой «Такой любви» Павла Когоута в «Студенческом театре». Это была не первая режиссерская удача яркого молодого актера столичного «ТЮЗа». Любила его Москва и как актера, и как автора театральных капутников. Итак, Быкова утвердили на роль почти пятидесятилетнего Башмачкина.

В первую очередь он победил потому, что играл не несчастного, забитого «маленького человека», как тогда говорили. Нет, «маленьких людей», по твердому убеждению Быкова, не существует. Он играл человека счастливого, умеющего радоваться самой малости.

В решении, предложенном Быковым, Акакий не просто копит деньги на новую шинель взамен износившейся, но «строит» ее, как возможность новой жизни, ее полноты и счастья. Вот отчего ограбление для Акакия не просто горе бедного человека, но невозможность жить дальше. У него нет семьи, друзей, родных; он дружит со своими буквами, что старательно и любовно выводит в департаменте. Он перехитрил себя. Счастливо придумал просить хозяйку жилья не класть мясо в суп и не топить вечерами.

И все получается. Его мечта становится реальностью. На примерке у портного, которого блестяще сыграл Толубеев, Башмачкин расцвел, стал даже выше ростом. Надев же наконец долгожданную обнову, он не идет, а почти плывет вдоль Невы, светясь от счастья. Теплая шинель обнимает все его промерзшее тело, но не только... его уже и окружающие стали замечать. Одна, прехорошенькая, даже заговорила, чего с ним отродясь не было. О, мечты!..

И вдруг в длинной, пустынной, пронизываемой всеми ветрами галерее на него налетают трое грабителей, избивают и со словами: «А шинелька-то моя!», сорвав ее с Башмачкина, уносятся прочь. «Ох,

и валтузили мы тогда Быкова», – вспоминал через много лет один из «грабителей» (на картине «Ленфильма» «Докер», где мы встретились с Быковым). Башмачкин сначала не может поверить в случившееся, затем дико кричит и бросается вслед обидчикам. Пропала мечта, тепло, жизнь. В луче, освещающем пустырь, мечется он как бессильный мотылек. Ветер, метель бьют эту жалкую, трепещущую, взывающую о помощи фигурку. Вот лицо его приблизилось к нам. Прижатое к решеткам закрытых ворот, оно вопрошает: «Как это возможна такая несправедливость! Как жить с таким горем?!» Лицо залито слезами.

В дни съемок этой сцены Быков заболел, у него была температура 39° и заложена грудь. Привезли опилки и «ветродуй», огромный пропеллер, который должен был раздувать эти опилки, имитирующие снег. Они кололи лицо, впивались в глаза, прилипали к щекам вместе со слезами.

Снимаясь в «Шинели», Быков оставался ведущим артистом «Театра юного зрителя» в Москве. Страдая с юности язвой желудка, он часто, не ужиная, садился в поезд, чтобы успеть на утреннюю репетицию, а после спектакля мчался в аэропорт на ночной рейс.

Грим занимал четыре часа. «Старил» Быкова, добываясь достоверности, один из лучших гримеров «Ленфильма» Алексей Грибов. Заснуть в гримерном кресле тоже не удавалось, помешало бы работе. Иногда, оставаясь в Ленинграде, Быков шел на утреннюю съемку пешком. Путь неблизкий, вставал засветло и шел на студию, чтобы лучше вжиться в своего героя.

Вахтанговское училище выпускало актеров, великолепно владеющих телом. Быков был здесь один из первых: танец, фехтование, сценическое движение – любимые дисциплины. Его и Михаила Бушнова, сокурсника, приглашали солистами в Краснознаменный ансамбль Балтийского флота.

«А знаешь, я ведь, в сущности, эту роль протанцевал», – сказал как-то Ролан. И действительно, пластику его героя в «Шинели» не забудешь. Быков придавал первостепенное значение пластике всегда, во всех ролях.

Гоголь пишет, что Башмачкину «забралось уже под пятьдесят». Быков был легок, подвижен, хорошо координирован. В роли он суетлив в своих движениях, боится встать не на ту клеточку в жизненных шахматных играх. Радуется жизни и в то же время все время опасается, что и эту едва заметную окружающим «вольность» могут расценить как вызов, поэтому прячет ее от греха подальше.

Кульминация фильма «Шинель» – сцена у «значительного лица». К этому «значительному лицу» по совету доброго знакомого и при-

ходит Акакий со своей бедой в надежде на помощь в поисках украденной шинели. От робости перед таким лицом Акакий теряет дар речи, суетится, а когда генерал «возвел на него голос», почти лишается рассудка. Быков придумал в этой сцене стягивать с себя сюртук, предлагать ему свое жалкое одеяние, трепеща от страха и ужаса, как бы защищаясь им от гнева «его величества». Это, по сути, пантомима. «Вот, возьмите, да не только сюртук, жизнь мою. Как я посмел, право, того... побеспокоить вас существованием своим».

Почти в бреду Акакий – Быков добрался до дома и слег. Горячка, гибель. Гоголь пишет: «Исчезло существо, никем не защищенное, никому не дорогое, ни для кого не интересное». Далее в повести рассказ о том, что в городе по ночам стал показываться мертвец в виде чиновника, сдиравший с плеч шинели, не разбирая чина. Сцену эту снимали днем. С перекошенным лицом и диким хохотом Акакий ухватил за воротник «значительное лицо». Генерал чуть не умер от ужаса: «Твоей-то шинели мне и нужно! Не похлопотал об моей, да еще и распек, – отдавай же теперь свою!»

Режиссер и актер остались верны букве повести, сняли этот фантастический, символический конец. Быков в этой сцене страшен. «Дело мое – душа и прочное дело моей жизни». «Не полюбивши России, не полюбите вам своих братьев, а не полюбивши своих братьев, не разгореться вам любовью к Богу, не спастись вам».

Мы жили во времена атеистические, но таков мощнейший гуманистический заряд Гоголя, что он прорывается благодаря таланту создателей этого фильма.

Картину «Шинель» купила Англия. Ее премьера совпала с гастролями МХАТа в Лондоне. Рядом с рекламой театра висел плакат фильма с надписью, что в картине играет лучший актер МХАТа. Кто-то из дирекции возмутился: «Этот актер никогда не работал в нашем театре». Ответ был: «Неважно. Это хорошая реклама вашему театру».

В журнале «Искусство кино» критик Ю. Ханютин написал, что в сцене ограбления Быков натуралистичен. Но Быков слишком хорошо помнил, как в войну кричали женщины, у которых крали продуктовые карточки.

Ролью этой Ролан Быков вошел в большой кинематограф как интересный, многообещающий актер. Работа над образом Башмачкина стала одной из любимейших, из тех 113 ролей, которые довелось ему сыграть.

Среди дневников сохранились отдельные листочки с набросками статьи о Гоголевской теме (примерно 1968 год). Вот они.